

УДК 821.161.1“16”

ЧИН КАК ЖАНРОВАЯ ФОРМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII ВЕКА (постановка проблемы)*А. В. Шунков***RANK AS A GENRE FORM IN RUSSIAN LITERATURE IN XVII CENTURY (statement of problem)***A. V. Shunkov*

В статье рассматривается проблема жанрового своеобразия русской литературы XVII века, анализируется процесс становления особой жанровой модели – чина (описание придворного церемониала).

The problem of genre peculiarity of Russian literature in XVII century is examined in the article, and the development of a special genre model as a rank (description of court ceremonial) is analysed.

Ключевые слова: проблема жанра в русской литературе XVII века, церемониальность и художественность книжного текста XVII века.

Keywords: genre as a problem in Russian literature in XVII century, ceremony aspect and the artistic merit of the text.

Как известно, художественный мир Древней Руси – это особая модель, в которой воплощено миропредставление средневекового человека о Божественном универсуме. И одной из категорий, лежащей в основе миропонимания автора Древней Руси, была категория «чин». Как отмечают отечественные медиоведы, понятие «чин» появляется в русской культуре фактически одновременно с принятием христианства и фиксируется уже в ранних книжных текстах. Войдя в русскую литературу, затем на протяжении семи веков, до XVII столетия включительно, категория «чин» будет определять процесс составления и восприятия читателем книжного текста.

Какое толкование дается понятию «чин», полисемичному по своей природе? Единого определения в науке не существует. Так, Л. А. Черная в своей статье [1] ссылается на работу И. И. Срезневского, в которой академиком приведено 14 значений этого понятия: *порядок, подчинение, последование, правило, устав, степень, должность, сан, сонм* (здесь и далее по тексту курсивом выделено нами. – А. Ш.) и др.

Однако важным здесь является другое: каким бы семантическим оттенком не обладало это понятие, любой из них непосредственно воплощал в себе идею Божественного начала, которое и должно было быть отражено в книжном тексте посредством особых канонических приемов. Обращение к чину должно было привести к богоустроенному порядку земной мир, основой которого является вертикальная иерархия связей явлений, одновременно воплощающая собой представление о красоте и гармоничной соразмерности. В связи с этим в Древней Руси понятие «чин» становится еще и единицей измерения прекрасного. Показательным примером может служить фрагмент «Повести временных лет» – описание Божественной литургии, на которой присутствовали послы кн. Владимира. *«И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали мы – на небе или на земле: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый чело-*

век, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь жить» [2].

Стоит отметить, что именно эстетическая сторона торжественного церковного обряда стала определяющим фактором в выборе христианской веры киевским князем, и то первое впечатление, которое произвела литургия, прочно укрепится в сознании русского человека. Золотофонные образы храма св. Софии в Константинополе, так поразившие русских послов, фаворским светом освятят последующую тысячелетнюю историю русской культуры.

Первые оригинальные произведения русской литературы дают возможность убедиться в том, что русский автор органично принял византийскую концепцию понимания присутствия в земном мире божественной красоты и стремился к изображению и воссозданию ее в произведении посредством использования особых канонических приемов. Так, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона утверждает идею божественного преображения тварного и тленного мира, приведения его к идеальному, гармоничному мироустройству, «чинности». Показывается это не только традиционным для христианской поэтики приемом «символического параллелизма» [3, с. 31], в основе которого лежит принцип антитезы, но и на уровне семантики имени главного героя – кн. Владимира. Замена славянского (языческого) имени Владимир греческим (христианским) именем Василий в тексте выполняет еще одну важную идеологическую функцию. Учтивая тот факт, что «Слово ...» адресовано *«не несведущим...», но с преизбытком насытившимся книжной сладости*, имя Василий должно было вызывать ассоциации с рядом имен христианских святителей [3, с. 32], среди которых может быть названо и имя Василия Великого, автора книги «Беседы на Шестоднев». Книга, написанная в IV веке, формирует у христианина представление об иерархичности мироздания. *«И целый мир, состоящий из разнородных частей, связал Он каким-то неразрывным союзом Любви в единое общение и в одну гармонию...»* [4, с. 25 – 26.]. В русской ситуации именно Владимир книжниками будет осмыслен как апостол, даровавший возможность принять благодать, с помощью

которой человек получает возможность воспринимать и изображать видимый мир возвышенно и гармонично («чинно») устроенным [5].

Именно поэтому по отношению к понятию «чин» синонимичными выступают еще и такие категории, как «церемониальность» или «этикетность» («литературный этикет»). «...Средневековый книжник, создавая или переписывая то или иное произведение, создает известное литературное “действие”, “чин”» [6, с. 360.]. Средневековый литературный текст автономен, ему подчинены и его составитель, и его читатель. Красота текста (представленная устойчивыми словесными клише, речевыми фигурами) не может не поражать и не удивлять читателя. Читатель, многократно прочитывая один и тот же текст, постоянно оказывается участником некоего торжественного церемониала, о чем в свое время писал Д. С. Лихачев: «Литературное произведение живет “идеальной” и вполне самостоятельной жизнью. Читатель не “воспроизводит” в своем чтении это произведение, он лишь “участвует” в чтении, как участвует молящийся в богослужении, присутствующий при известной торжественной церемонии» [6, с. 360].

Справедливости ради стоит отметить, что обрядовость («чинность»), как одна из категориальных особенностей древнерусской литературы, была отмечена не только отечественными историками литературы, но и европейскими (представителями французской славистики). Так, например, в свое время Ц. Тодоров в статье «Поэтика в СССР» [7, с. 32 – 39], проводя анализ «Поэтики древнерусской литературы» Д. С. Лихачева, вводит понятие «код», синонимичное «литературному этикету». С точки зрения Ц. Тодорова, вся древнерусская литература подчинена надличностному началу, основой которого является обряд, который теряет свою значимость в те моменты, когда «старые каноны разрушаются под воздействием внелитературных факторов, <...> и в традиционное повествование вторгается другая форма – непосредственная запись» [7].

Таким образом, развитие русской средневековой литературы, помимо того, что оно определялось историко-культурным контекстом, приводившим к смене художественных парадигм, важным в развитии словесной культуры являлось понимание той роли, которую играет чин (обряд), определяющий жанровые и содержательные границы литературы.

Если проследить исторический путь развития русской средневековой литературы, то становится вполне понятным желание автора в постоянном обращении к византийской традиции, понимаемой как единственно правильной в постижении и изображении мира, в определении в нем места самого человека. «Задача древнерусской культуры сводилась к повторению зафиксированных библейской историей явлений, идей, образов, с тем, чтобы через “чин” примкнуть к высшим священным явлениям, <...> дотянуться до “благого – прекрасного”, заложенного в них» [1, 344]. Идея гармоничного мироустройства оказывалась всегда приоритетнее и единственно правильной, чем желание авторского самовыраже-

ния в литературном произведении. Одним из ярких примеров, подтверждающих значимость самостоятельного бытия гармонии, является литература Киевского периода, XII – первой трети XIII вв., которая предоставила читателю возможность получения духовного наслаждения от восприятия и созерцания прекрасного: сферы небесных чинов («Царства Небесного»), красоты природного мира как выражения высшей творческой мудрости Творца.

Блестящее и стремительное развитие литературы этого периода прерывается татаро-монгольским нашествием, принесшим с собой не только стихию разрушения, но и крушение прежнего представления о порядке и красоте, зафиксированное в литературных памятниках XIII века («Слово о погибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем» и др.). Полтора столетия русская литература была представлена в основном воинскими повестями, оказавшими свое влияние на всю жанровую систему той эпохи. Однако общим для всех произведений этого периода станет изображение прежнего порядка, противопоставляемого утвердившемуся хаосу (бесчинию). «*О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты <...> И в те дни <...> обрушилась беда на христиан...*» [8, с. 91], «*О сей град Рязань и земля Рязанская, исчезла красота ее, и отошла слава ее, и нет в ней ничего доброго для взора – только дым и пепел*» [9, с. 151].

Рубеж XIV – XV вв. известен в истории Руси как эпоха русского Предвозрождения, второго южнославянского влияния, который привел, с одной стороны, к возрождению литературы, восстановлению утраченных связей с христианским Востоком, а с другой – к проникновению в нее совершенно новой для русской культуры ренессансной идеи – ценности эмоционального мира отдельного человека. Как известно, эта ренессансная по своей природе идея была во второй половине XV века оценена как еретическая, опасная по своей природе для государства, нарушающая установленный Богом закон и порядок, и в итоге была отвергнута русской литературой.

Идея «чина» вновь начинает доминировать в литературе конца XV – XVI столетий – эпохе второго монументального историзма (Д. С. Лихачев), для которой становится актуальной идея главенства торжественной формы. Примерами могут служить и «Домострой», и «Великие Четьи-Минеи», и «Степенная книга». Установленный порядок во всех сферах жизни (государственной и частной) может быть рассмотрен как семиотический образ, в основе которого лежит функция красоты, приобретаемая особое значение во второй половине XVI века. «*И воссиял ныне стольный и прославленный город Москва, словно второй Киев, не посрамлюсь же и не провинюсь, если скажу, как третий новый великий Рим, воссиявший в последние годы, как великое солнце, в великой нашей Русской земле, во всех городах и во всех людях страны этой, красуясь и просветляясь святыми Божьими церквями, деревянными и каменными, словно видимое небо, красуясь и светясь, пестрыми звездами и незыблемым право-*

славием украшенное, Христовою верою укрепленное и непоколебленное злыми еретиками, возмущающими церковь Божию» [10]. «Обрядовая сторона жизни Русского государства достигла высокой степени развития в XVI веке. Литература вынуждена была воспроизводить содержание разрядных книг, чина венчания на царство, описывать сложные церемонии» [6, с. 363].

XVII век начинается смутой, за которой последовало и крушение самой системы «чина». Именно поэтому первые представители Дома Романовых вновь начинают активно возрождать «чин» во всех сферах русской жизни (социальной и культурной). Яркой страницей литературного процесса середины XVII века и его второй половины становится еще большее, по сравнению с XVI веком, увеличение количества описаний церемониальных действий, условно называемые чиновниками. На первый взгляд, с литературной точки зрения, они могут показаться исследователю малоинтересными, по сравнению с теми образцами русской беллетристики, в которых проявляют себя открытия литературы Нового времени (творчество Аввакума, «Повесть о Савве Грудцыне» и др.). Чиновники представляют собой вид ритуальных текстов придворной литературы, которые регламентировали церемониальную практику (венчание на царство, выходы царей и патриархов, придворные праздники) и являли собой развернутые сценарии с описанием состава участников торжества и приличествующей случаю одежды, обязательным обозначением места и роли каждого участника проводимого праздничного действия, с приведением реплик участников ритуала. Но именно эта жанровая единица, появляющаяся в огромном количестве и относящаяся все-таки к документальной книжности, дает возможность увидеть стремление автора XVII столетия зафиксировать представление о красоте в книжном тексте, придать ей приличествующие формы.

Заслуживает внимания определение чина, которое встречается во вступительной части известного памятника середины XVII века (1656) и содержит описание чина [11] посвящения царского сокольника в начальные. Памятник подробно был рассмотрен нами в издании «“Урядник сокольничья пути” как памятник русской художественной культуры середины XVII века». «А честь и чинь и образец всякой вещи большой и малой учинь по тому: честь укрепляет и возвышает ум; чинь укрепляет и утверждает крепость; урядство же уставляет и обявляет красоту и удивление; стройство же предлагает дело; без чести же малится и не славится ум; без чина же всякая вещь не утвердится и не укрепится; безстройство же теряет дело и возставляет безделье. Всякий же читателю почитай, и разумевай, и узнавай, а насъ слагателя похваляй, а не осуждай. Что всякой вещи потреба? Меряние, сличие, составление, укрепление; по томъ въ ней или около ея: благочиние, устроение, уряжение. Всякая же вещь безъ добрыхъ меры и иныхъ вышеписанныхъ вещей бездельна есть и не можетъ составиться и укрепиться» [12].

Отечественная и европейская славистика в большей мере исследовала те новаторские явления литературного процесса XVII века, которые привели русскую литературу к открытиям человеческого характера, привнесли авторское начало, позволили вписать русскую литературу в общеевропейское культурное и литературное пространство. На этом фоне огромный пласт церемониальных текстов середины XVII – второй половины XVII веков остается до сих пор малоизученным. Так, продолжающееся серийное издание «Библиография работ по древнерусской литературе», выпускаемое Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН [13], дает возможность убедиться в том, что в поле внимания исследователей в основном находился узкий круг описаний церемониальных актов – чины венчания российских царей (XVI – XVII веков), царские «походы» (торжественно-церемониальные выезды монарха как светские, так и богомольные), свадебные чины [14] и ряд других, таких, как: «Чин избрания епископа» (1630), «Чин мироварения и мироосвящения» (1624), «Чин исповеданию святейшим патриархом» (1630), «Чины церковные» (1630), «Чин пещнаго действия» (1630), «Чин освящения воды» (1655), «Три чина присяг» (1654) и др. А именно эти жанровые формы, хотя и относятся по большей своей части к документальным текстам, позволяют увидеть представление книжника о красоте, сохраняющееся в XVII веке, с одной стороны, христианское понимание порядка, гармонии («чина») и хаоса, греха («бесчиния»), а с другой – постепенно эволюционирующее уже в Новое время и придающее церемониальному действию торжественный светский характер, как в случае, описанном во втором варианте [15] чина бракосочетания царя Алексея Михайловича 1671 года [16]. И подобный пример переписывания и редактирования ранее существовавших чинов не единичен. Можно обратиться к известному чину организации посвящения в начальные сокольники, созданному при непосредственном участии царя Алексея Михайловича, в названии которого нельзя не увидеть противопоставление двух разных редакций текста – «Книга, глаголемая Урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути» (1656).

На первых страницах книги составитель делает важную помету, тем самым указывая на то, что инициатива изменения, по-видимому, существовавшего прежнего варианта исходит от самого монарха. «Государь, царь и великий князь, Алексий Михайлович, всея великия и малыя и белыя Россіи самодержецъ, указалъ быть новому сему образцу и чину... Прилогъ книжный, или свой».

Данный пример, когда по прошествии времени создается новый, более сложный и продолжительный по времени вариант описания церемониального действия, показателен [17]. Во-первых, он не может не свидетельствовать о меняющемся представлении не только о роли этого церемониала в повседневности, но и об изменении в понимании эстетической категории прекрасного. В процессе редактирования чиновников тексты наполнялись не только новым содержанием, новыми деталями проводимого обря-

дового действия, но и новыми риторическими фигурами, использовавшимися при характеристике действий участников ритуала. В результате чины превращались в тексты, уже тяготеющие к образцам художественных произведений со своей особой поэтикой, свойственной драматургии. Во-вторых, динамика самой жанровой формы чина приводила к изменению представлений о красоте, постепенно утрачивавшей религиозную основу и приобретающей секуляризованный характер. В этом случае роль многочисленных «чиновников» – описаний церемониалов и торжеств – нельзя недооценивать, обращаясь к характеристике историко-литературного процесса в России переходного периода.

Таким образом, подводя итог нашим размышлениям, отметим следующее: в процессе художественной эволюции русской культуры изменялось и представление о чине как категории, определявшей суть понимания гармонии и порядка. На начальном этапе (в домонгольский период развития русской культуры и литературы) рассматриваемая категория характеризовалась только с религиозных позиций, и основными чертами понятия «чин», с точки зрения Л. А. Черной, являлись «связь с феноменом христианского понимания красоты». В последующие же этапы развития русской культуры категория «чин» постепенно превращается в некий норматив, регламентирующий уже социальные отношения.

Литература

1. Черная, Л. А. О понятии «чин» в русской культуре XVII века / Л. А. Черная // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). – СПб., 1993. – Т. XLVII. – С. 343 – 356.
2. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). – СПб., 1997. – Т. 1: XI – XII века. – С. 155. (Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова).
3. Лихачев, Д. С. «Слово о Законе и Благодати» Илариона / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избр. работы в трех томах. – Л., 1987. – Т. 2.
4. Василий Великий. Беседы на Шестоднев // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесари Каппадокийския. – М., 1991. – Ч. 1.
5. Оленич, Л. В. Шестодневное мироощущение» в европейском пейзаже в период от средневековья к новому времени / Л. В. Оленич // Вестник ТГУ. – 2006. – № 22. Серия «Материалы Международных, Всероссийских и региональных научных конференций, семинаров, симпозиумов, школ». Доклады и статьи международных научных чтений «Д. С. Лихачев и русская культура». – С. 68.
6. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев // Д. С. Лихачев. Избр. работы в трех томах. – Т. 1.
7. Статья была написана в 1972 г. и опубликована в журнале «Poétique» (1972, № 9.). См. подробнее об этом: Ф. Лесур. Труды Д. С. Лихачева во французском восприятии / Д. С. Лихачев // ТОДРЛ. – СПб., 1997. – Т. L. – С. 32 – 39.
8. Слово о погибели Русской земли // БЛДР. – СПб., 1997. – Т. 5: XIII век. (Подг. текста, перев. и коммент. Л. А. Дмитриева).
9. Повесть о разорении Рязани Батыем // БЛДР. – СПб., 1997. – Т. 5: XIII век. (Подг. текста, перев. и коммент. И. А. Лобаковой).
10. Казанская история // БЛДР. – СПб., 2000. – Т. 10: XVI век. (Подг. текста и перев. Т. Ф. Волковой, коммент. Т. Ф. Волковой и И. А. Лобаковой).
11. Шунков, А. В. «Урядник сокольничья пути» как памятник русской художественной культуры середины XVII века / А. В. Шунков. – Кемерово, 2007. – 68 с.
12. Текст цитируется по рукописи: РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 52/1.
13. Библиография советских русских работ по литературе XI – XVII вв. за 1917 – 1957 гг. / сост. Н. Ф. Дробленкова; под ред. и со вступ. статьей В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л., 1961.; Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1958 – 1967 гг. / сост. Н. Ф. Дробленкова; ред. В. П. Адрианова-Перетц, Л. А. Дмитриев. – Л., 1978. – Ч. 1 (1958 – 1962 гг.); – Л., 1979. – Ч. 2 (1963 – 1967 гг.); Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1968 – 1972 гг. / сост. Н. Ф. Дробленкова; ред. Д. М. Буланин. – СПб., 1996.; Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1973 – 1987 гг. / сост. А. Г. Бобров, М. Д. Каган, Н. И. Милютенко, М. А. Салмина, О. В. Творогов; ред. Т. Г. Иванова, О. В. Творогов. – СПб., 1995. – Ч. 1 (1973–1977); – СПб., 1996. – Ч. 2 (1978 – 1982); Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР (России). 1988 – 1992 гг. / сост. О. А. Белоброва, С. Э. Коледа, М. А. Салмина, С. А. Семячко, О. В. Творогов, М. А. Федорова; ред. Т. Г. Иванова, С. А. Семячко, О. В. Творогов. – СПб., 1998; Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в России. 1993 – 1997 гг. / сост. М. А. Салмина, О. В. Творогов, О. Л. Новикова, В. А. Ромодановская; ред. С. А. Семячко, О. В. Творогов. – СПб., 2005; Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в России в 1998 – 2002 гг. / сост. В. А. Ромодановская, М. А. Салмина, О. В. Творогов; ред. Т. Г. Иванова, В. А. Ромодановская. – М.; СПб., 2008.
14. Чин свадебный // БЛДР. – СПб., 2000. – Т. 10: XVI век. – С. 240 – 251 (Подг. текста, перев. и коммент. В. В. Колесова).
15. Как известно, царь Алексей Михайлович был женат дважды. Первое бракосочетание с Марией Ильиничной Милославской состоялось в 1648 году. Специально к этому событию был составлен чин. После смерти первой супруги в 1669 году Алексей Михайлович женится вторично 22 января 1671 года на Наталье Кирилловне Нарышкиной, по этому случаю и будет составлен новый вариант свадебного чина.
16. Сазонова, Л. И. Свадебное приветствие царю Алексею Михайловичу / Л. И. Сазонова // По-

этика русской литературы в историко-культурном контексте. – Новосибирск, 2008. – С. 231 – 242.

17. Насколько динамична, изменчива была рассматриваемая жанровая форма можно проследить и на примере других «чинов» – описания посещений

царем Николо-Угрешского монастыря, сравнив первый «поход» 8 мая 1647 г. с описанием посещения монастыря в 1668 г., в сценарий которого по инициативе Алексея Михайловича была включена церемония проводов патриарха Антиохийского Макария.